

Эта подчеркнутая сознательность молодых казаков многое должна, наконец, сказать людям, на протяжении пяти лет составлявшим против того, чем жила и живет казачья молодежь.

С. С—а.

Доброжелатели.

В осаде Rašín, Obec Vepřova, появился некий Василий Соловьев и стал выдавать себя за казака. Придя в гостиницу, держал себя вызывающе, кричал, стучал по столам и, обращаясь к чехам, говорил: „Ах вы, чехи, не умеете жить, знаете только работать и больше ничего, вот мы, казаки, жили, никогда не работали — сядешь на коней, поедешь, награбишь, что хочешь, а вернемся домой — пьем, веселимся, пока все кончим, а там снова за добычей... вот как мы жили.“

Слава о казаках разнеслась по округу.

В этом районе жили казаки: прослышав о пожившемся храбром казаке, они в ближайшее воскресенье решили навестить его, стоворившись выдавать себя за неказаков.

В числе 6-ти человек — Милованова, Еремина, Фролова, Антонова, Рябова и Мульганова пришли к нему, говоря, что мы хотя и неказаки, но пришли к вам познакомиться как со своим русским.

Он же отвечает: „я то же не казак, но такую тут славу делаю казакам, что они будут помнить“...

Заклепая кровь казачья и взявшись они его рассказывать, да так отходили, что он неделю не выходил из квартиры, а по выздоровлении куда то исчез.

Так создают казакам славу, но... и так защищают казачью честь.

Очевидец.

Чикаго.

В Чикаго одним из донцов (ветеринарным фельдшером) была прочитана лекция „Россия и Казаки“. После лекции была дискуссия. На лекции были русские анархисты, которые заявили о том, что в Свободной России Казачество быть не должно, ибо казаки враги народа и слуги Царей. Одно возражение какого-то лабица поставило анархистов в тупик и дискуссия была окончена. Некоторые казаки крикнули анархистам: Стройте свою Россию, а мы будем думать о Казачестве. Проживем и без России. Это крикнули из кучки Донцов. Казаков тут в Чикаго можно собрать с полсотни, но все разбросаны и загнаны на фабриках. Есть и казаки-анархисты. Вообще же тут в русской колонии анархизм молен. Не признают никого, никакой власти, чему учить и своих детей. Вот наша жизнь и обстановка.

(Из письма из Америки).

Среди калмыков.

Недавно вышел второй номер „Улан Залат“ — журнала Калмыцкой Комиссии Культурных работников в Праге. Журнал внешне хорошо издан и довольно солидный по объему. Несомненным достоинством его является еще и то, что он напечатан на языках калмыцком и русском. Вопрос о естественности и целесообразности пользоваться родным языком не может вызвать в наше время ни у кого сомнения. Работа Культурной Комиссии, направленная к разработке калмыцкого языка и обогащению калмыцкой письменности достойна самой лучшей похвалы. Редакционная статья, озаглавленная „Монгольский Ученый Комитет“ подробно знакомит нас с той напряженной культурной работой, которая ведется ныне в независимой Монголии во имя ее возрождения.

Отрадно слышать что монгольский язык и монгольская литература возрождаются, ибо развитие монгольского языка безусловно будет способствовать обогащению нашего языка, который происходит с ним от одного общего корня. Мы, калмыки, хотя и являемся в этнографическом отношении западной ветвью одного монгольского народа, но в течении последних трехсот лет жили в других условиях и под иными влияниями, чем монголы, живущие в Азии, и эта продолжительная обособленность наложила на нас свои неизгладимые черты и особенности, отличные от черт и особенностей, присущих теперешним монголам.

Тем не менее установившаяся связь с некоторыми видными деятелями современной Монголии имеет свое положительное значение. Помимо выше перечисленных достоинств, журнал имеет и свои крупные недостатки, обойти молчанием которые считаю невозможным. Что бы не быть неправильно истолкованным, хочу оговориться. Мое критическое отношение к некоторым статьям, помещенным в этом номере ни в коем случае не может быть поцито, как критика всей деятельности Культ. Комиссии, членом которой я состою, и вообще направления работы которой разделяю. Незыгодная сторона журнала, по моему мнению, состоит в том, что он, несмотря на свой большой объем (69 печ. страниц), весь заполнен статьями и материалом очень ограниченного количества авторов. Это обстоятельство может произвести на непосвященного читателя впечатление в том смысле, что среди калмыков очень мало лиц способных сотрудничать в печатном органе. Правда, мы не можем в этом отношении особенно похвалиться, хотя в действительности пишущих калмыков значительно больше, чем это представляло на страницах разбираемого номера журнала. Редакция журнала, несомненно, упустила хороший случай показать богатство настроений и возможностей калмыцкой эмиграции.

Из-за недостатка места, я ограничусь только подбором статьи г-на Баянова „Россия и Калм. Народ“, которая, по моему мнению, является предной дуи интересов калмыцкого дела. Статья эта построена на предположении, что большевики рано или поздно сойдут со сцены, а власть, которая придет им на смену, обязана будет привлечь все живые силы страны к строительству государственной жизни и что в этой почетной и ответственной работе калмыки имеют право принять деятельное участие, т. к. за ними числятся колоссальные исторические заслуги перед отечеством. По мнению автора, исторические заслуги калмыков перед отечеством состояли в усмирении беспокойных окраин (напр. подавление Некрасово-Булавицкого бунта), истребление населения вновь присоединяемых к России земель (уничтожение сотни тысяч кубанских татар в 18 веке) и в обогащении русского хозяйства лошадьми необыкновенной силы и выносливости и красным рогатым скотом мирового значения.

В эмиграции стало общим местом убеждение, что послебольшевцкая Россия будет демократической. Насколько мне известно, г-н Баянов тоже разделяет это убеждение.

Но, коль скоро Россия станет страной демократической, а калмыки останутся в ее составе, то нет места тревоге за возможное участие в государственной жизни калмыков, т. к. новое правительство вынуждено будет привлечь всю активную и творчески-деятельную часть населения к созидательной работе. Правда, этот подбор произойдет не по линии „исторических заслуг“, как это рисуется г-ну Баянову, а по признаку подготовленности и трудоспособности. В этом отношении непомерное старание г-на Баянова, не останавливающееся даже перед искажением фактов (3 вершковая лошадь и красный рогатый скот мирового значения), доказать исторические заслуги калмыков является совершенно неуместным. Если доводы г-на Баянова, направленные к защите права калмыка на полноценное участие в государственной жизни России не отвечают логике, то эти доводы с точки зрения солидарности в отстаивании национально-бытовых особенностей нашего народа с остальными малыми народами, населяющими разные окраины России, — являются отрицательными. Калмыцкий народ в масштабе Всероссийском настолько интеллектуально и экономически слаб и количественно незначителен, что о каком либо его самостоятельном выступлении и роли серьезно говорить не приходится. Нам, калмыкам, одним очень трудно и непосильно бороться против захватнических стремлений русского народа, освященных временем и проверенных опытом. В деле защиты политических и государственных прав и отстаивания культурно-национальных особенностей, как и хозяйственного своего уклада против посягательства русского крестьянина мы должны будем искать сильных и верных союзников. Таким союзником до сего времени у нас было и есть Юго-Восточное Казачество. В инте-

ресак большего успеха этот союз в будущем должен быть усилен нашими двоюродными братьями — горцами и остальными народами Северного Кавказа. С этой точки зрения статья „Россия и Калмыцкий народ“ является по меньшей мере несбдуманной и нетактичной потому, что она способна больше оттолкнуть наших естественных союзников, чем их расположить и приблизить к нам.

В заключение следует сказать: слов нет, пользы много от гисаний, но чтобы польза приносимая печатным словом стала действительно общественной, в широком значении этого слова, необходимо соблюдать два условия:

1-ое, честное обращение с фактами; 2-ое, решительное воздержание от неуместных самовосхвалений. Автор статьи „Россия и кал. народ“ в этом отношении грешит и много.

Э. Бурульдушов.

На Украине.

В городах и деревнях.

Если следить за украинским движением даже только по враждебной ему русской эмигрантской и Советской прессе, то вся Украина сейчас дает картину встревоженного улья. Непокойно в городах, еще более неспокойно в селе.

Так, по сообщению „Руля“, начальник особого отдела ГПУ Украины донесит в Москву о появлении во многих округах Украины крестьянских „диверсионных банд“. Банды эти снабжены большим количеством оружия и боевых припасов. ГПУ объясняет их появление интригами „соседних с СССР иностранных государств, которые стремятся использовать существующее среди крестьян Украины известное недовольство последними экономическими мероприятиями советской власти и внести смуту в государство рабочих и крестьян“. Эти повстанческие отряды производят постоянные нападения и налеты на органы советской власти, на сыпные пункты и на железнодорожные станции. Ими произведено много убийств коммунистов и советских чиновников. Борьба с ними очень трудна, так как их поддерживает все крестьянство. Передвижение они совершают на подногах. В плен не сдаются. Более крупные отряды замечены в округах: Виплицком, Гайсинском, Корсунском, Черкасском и Мелитопольском. Является опасность, что с наступлением теплого времени повстанческое движение перебросится на другие беспокойные округа Украины. Донесение заканчивается

ХРОНИКА

— Донской казачий хор имени Атамана Платова 24 с. мес. отбыл на ряд концертов в Германию.

Во время пребывания в г. Праге хор принял участие в празднестве „Славянской весны“. Выступление хора увенчалось громадным успехом.

— В Загребе, в 5 часов дня 27 марта с. г. застрелился Полковник Донского Войска Александр Васильевич Нефедов, казак станицы Новочеркасской. Пуля прошла мозг и разбила череп. Выстрел был дан в висок.

— Белград. На Собрании Донской станицы, собранном не Станичным Атаманом, а гражданином станицы Н. Д. Дувакиным, были незаконные перевыборы. Старианами Н. Д. Дувакина прошел в Атаманы его сторонник В. Орлов. Атаман станицы Орехов донес рапортом Донскому Атаману о том, что он не сдаст станичных дел, а также станичной печати впредь до его (В. Атамана) распоряжения.

просьбой о присылке надежных воин. част. из Москвы.

Встревоженная Москва сделала больше. Она позаботилась не только о деревнях, а и о городах. Специально прибывшая из Москвы комиссия ГПУ произвела массовые аресты, о части которых было уже сообщено в „Вольн. Казач.“ На этот раз пострадала главным образом Левобережная Украина. В центральную тюрьму ГПУ в Харькове доставлено свыше 200 человек; кроме того, две большие партии арестованных в Харькове и Кременчуге отправлены в провинциальные тюрьмы. Арестованные принадлежат к различным классам украинского населения, но особенно много их выпало на долю красной армии. Одновременно с Украиной произведены были аресты в Минске и Гомбруйске, так как большевики предполагают, что между украинским и белорусским движением существует организационная связь. Арестованные красноармейцы помещены в Полтавской тюрьме, и для их допроса выехала специальная военная комиссия. По распоряжению из Москвы приняты для прекращения движения чрезвычайные меры. Харьковский университет, как неблагонадежный поставлен под особый надзор ГПУ, вся интеллигенция тоже. В Харьков, Полтаву и Кременчуг прибыли специальные отряды ГПУ, а стоявший на Левобережье 17-ый Советский полк, по составу украинский, экстренно перевезен в Смоленск. Часть арестованных, согласно приказаниям из центра, перевезена в Москву. Всем им вменяется в вину стремление к отделению Украины от СССР.

В Казачьих Землях.

Как распространяют „Заем укрепления Сель. Хозяйства“.

„Вечером ст. Убеженская была разбита на кварталы, и одного крестьянина за другим начали вытаскивать из хат. Ночная жуть подкралась к саманным домикам, серым илетням и голым садам станичников. Огни исчезли. Только в Сельсовете, в далекой комнатке, в конюшнях, мигал и таял свечной огрызок и за столом сидел с наганом уполномоченный Андрусов.

В этот вечер милиционер Чепурной, уполномочен. Андрусов, два батрака комсомола Петров и Саяченко исполнили энергично директивы, препратив конюшню сельсовета в застенок.

Крестьянина Оспинцева били в четыре приема, с промежутками для отдыха.

Во время избивания спрашивали:

— Будешь брать облигации?

— Не посилю, — кричал на полу старик.

— Бя-я-ри!

Станичнику Клименко крутили руки. Когда шайка увидела, что зажиточного Бабкина, одетого в шубу, побой „не понимают“, его раздели: пригнули за коботок к полу. Старика Пастухова ставили к стенке и

из нагана целились в висок. Били всех по голове, и каблуками по животу и по ребрам.

Осиновича били так же долго, как и всех. Затем на шею надели петлю и душили. Когда не помогла петля, на шею надевали лестницу и опять душили. Старика ставили к стенке и сзади из нагана мимо уха стреляли в стену.

И все время в этой темной мрачной конюшне ревел хриплый бас Чепурного:

— Бя-я-ри!

— Не посилю...

Некоторые не выдерживали, подписывали обязательство на покупку облигации и затем шли продавать быков, коров и лошадей“.

(„Молот“, 2005).

Вл. Астров.

Культурные развлечения.

Изба-читальня.

Хотя другой изба-читальни в станице Дондуковской нет, но она все же именуется „центральной“. Разве только потому, что эта самая изба-читальня является центром, где сосредотачивается станичная липкая грязь. Когда входящий в избу хлебороб из другой станицы